

Эллая Робин

ЖРЮЛ

Летопись Жреца

Прежний Жрец

Эллая Робин

**Круг. Летопись
Жреца. Прежний жрец**

«Издательские решения»

2015

Робин Э.

Круг. Летопись Жреца. Прежний жрец / Э. Робин —
«Издательские решения», 2015

Мы воспринимаем мир, как данность, а что, если он существует лишь пока где-то на земном шаре живёт человек, пишуший мировую историю. Пишущего охраняет Круг: пятеро человек, каждый со своими уникальными способностями. Вновь пора выбирать Пишущего, но сначала нужно собрать новый Круг. Для этого Жрец Малик Флеймен отправляется на чуждый ему Континент с целью отыскать необходимых людей, передать им знание о Круге и уйти, надеясь, что в ближайшие 468 лет они смогут вытянуть на себе мировую арбу.

© Робин Э., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	16
Глава 4.	24
Глава 5.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Круг. Летопись Жреца
Прежний жрец
Эллая Робин

*Посвящается О. М. Аратчор,
моему первому читателю*

© Эллая Робин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1. Прежний Вождь

Малик Флеймен, чернокожий старик, сидел напротив окна и смотрел на закат. Его карие глаза были полузакрыты, а голова откинута на спинку кресла. Он пребывал в этом состоянии уже третий час и, похоже, не собирался покидать свой пост. Не зная его и его истории могло показаться, что старик просто прозябает в своём стариковском вечернем одиночестве, но это было не так. Малик отдыхал. Он отдыхал, как отдыхают люди, знающие, что такое долгий тяжёлый труд. Скоро ему предстояло вновь отправиться в путь, Малик и это знал, поэтому, пользуясь дарованным ему перерывом, уже который год вёл неспешное существование, наслаждаясь тишиной и покоем.

В одно утро зазвонил телефон. Малик снял трубку, в которой женский махрово-вежливый голос спросил:

– Мистер Флеймен?

– Да, это я.

– Мистер Флеймен, Вы принимали участие в лотерее «Buy, fly and win», проводимой нашим туристическим агентством «TrueTravel», и заполняли купон акции?

Последовало молчание.

– Мистер Флеймен? – позвала девушка.

– Да, – ответил Малик.

– Мистер Флеймен, я от лица нашего агентства «TrueTravel» хочу поздравить Вас! Вы выиграли бесплатный тур в Таиланд – родину белого слона! Для оформления тура и получения более подробной информации прошу Вас подойти в наше агентство.

Малик записал адрес на листке прителефонного блокнота, поблагодарил девушку за звонок и повесил трубку. Какое-то время он крутил этот листок на столе, затем взял ручку и написал под адресом слово «Таиланд», подчеркнул его двумя чертами, поставил кружку с недопитым кофе в раковину и пошёл одеваться.

– Здесь, – тихо сказал Малик таксисту и, сунув купюру, вышел из машины.

Место, где он оказался, не сильно радовало глаз: одно- и двухэтажные дома грязно-белого цвета стояли в нестройный ряд, образуя улицу с дорогой из песчаной светлой насыпи. Острова высохших за лето жёлтых газонов снизу и неубедительные жидкие облака сверху разумно вписывались в общее цветное многообразие уныния.

Малик огляделся, дома были похожи как один. Он ещё немного постоял, потирая морщинистой рукой широкий лоб, и направился вверх по дороге наудачу. Не спеша, продвигаясь вглубь улицы, Малик заметил, что на него надвигается, пыля, дребезжа и брэнча лишь детям виданными трещалками, велосипедное полчище. Как водится в таких случаях, один из этой компании бежал рядом, видимо, этот праздник жизни он отмечал без собственного велосипеда. Двухколёсное войско приближалось с положенной скоростью, поравнявшись с Маликом, дети принялись беспорядочно делить с ним дорогу и по неопытности быстро запутались меж собой.

– Габриель?! – вдруг воскликнул Малик, уставившись в знакомое лицо ребёнка.

Мальчик остановился и запрокинул голову. Малик разглядывал его с ревностным любопытством. Джинсы, застиранная футболка со свежими, явно сегодняшними пятнами, кепка козырьком назад, сквозь которую на лоб свисали светлые почти белые волосы. Это был обычный мальчик лет девяти на обычном велосипеде, но Малик не мог оторвать от него глаз, от его столь непривычно детского и непосредственного лица. Его карие глаза были просто глазами

ребёнка, они смотрели на Малика, а не как обычно – в вечную бездну, смотрели, шурясь от света, с любопытством, постепенно переходящим в нетерпение.

– Габ, ты едешь?!

Мальчик посмотрел вслед удаляющейся толпе, затем вновь на Малика и занудно натянуто пропел:

– Да-а-а, сэ-э-эр?

– Как же ты вырос?! – Малик никак не мог поверить, что перед ним всё тот же Габриель! Габриель, который, в принципе, приобрёл способность расти и быть ребёнком, так же как Малик получил возможность отдыхать.

– Мне кажется, мы не знакомы, сэ, – обязанность быть вежливым с взрослым и желание ехать дальше породили весьма замысловатую гримасу на детском лице.

Малик широко улыбнулся.

– А мне кажется, я знаю твоего отца.

Мальчик сразу стал серьёзным и выпрямился:

– Но у меня нет отца, сэ, – теперь пришел черёд Габриеля уставиться во все глаза на незнакомца.

Малик перестал улыбаться.

– Разве ты живёшь не с Элиотом Кеммисом?

– Да, с ним, он мой дядя.

– М-м-м, Элиот мне писал про тебя, и я почему-то решил, что ты его сын... – Малик произнёс это, потирая подбородок, и глядя куда-то в сторону.

– Нет, он брат моей матери.

Габриель с неподдельным сожалением следил, как туча пыли исчезала из видимости, теряясь в переулках песчаной дороги.

– Вы, наверное, ищите дядю, сэ? – спросил он с надеждой на скорую свободу от непонятного старика.

– Да, ищу, но тут дома так похожи, что...

– Он там, – мальчик ткнул пальцем куда-то в сторону, – вон, второй после мачты с флагом.

– С блестящей крышей? – Малик вглядывался в брезжащую даль, приложив ладонь к глазам.

– Ага! До свидания, сэ! – Габриель ударил по педалям и пустился вдогонку стаи.

– Габриель, а Элиот дома?! – крикнул Малик ребёнку, но тот его уже не слышал.

Одноэтажный серо-белый дом был обнесён железной сеткой вместо забора, трава на переднем дворе выгорела, крыльца почти не было, лишь небольшой приступок. Малик постучал, никто не отозвался, повернул ручку, дверь поддалась, и он вошёл в широкую комнату, соединённую с прихожей и кухней. Внутри было прохладно, видно, старые оконные занавески продолжали верно служить своим хозяевам. Через кухонную дверь Малик попал на задний двор, картина, которую он там застал, не могла не умилить и не рассмешить его. В белой майке с логотипом какой-то футбольной команды, чёрных коротких шортах и шлёпанцах на босу ногу, сам Элиот Френсис Кеммис, перегнувшись через ручку газонокосилки, пытался, по – видимому, заставить эту сомнительную технику работать.

Малик, сияя своей негритянской улыбкой, как месяц над Адриатическим морем, упёрся плечом в столб веранды, продолжая беззвучно хохотать. Элиот сделал ещё несколько усилий над злополучным агрегатом, прежде чем заметил движение на другой стороне двора. Узнав в корчившемся от смеха чернокожем Малика, на его лице появилась добродушно – детская, даже какая-то невинная улыбка. Элиот быстро зашагал к веранде, оставив неработающую бесстию в траве; чем ближе он подходил, тем отчетливее проступал шрам на правой щеке, начинающийся у рта и уходящий к уху, лишивший улыбку её былого очарования.

Они обнялись, от Элиота пахло травой и потом. Малик отпустил его и оглядел. Нет, ни шорты, ни глупая майка не могли скрыть настоящего Элиота Кеммиса. Он остался всё тем же: невысокий по сегодняшним меркам, крепкий и статный сэр Кеммис, потомок английского дворянского рода. Мокрые тёмно – каштановые волосы облепили его лицо, борода чуть разрослась по щекам, но глаза всё также сурово смотрели вперёд из-под рыжих бровей – чётко видя перед собой человека, цель и всю эту жизнь.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

Несколько секунд они молчали, разглядывая друг друга, затем Малик оглянулся на дом и сказал:

– Вижу, Ирис не сильно тебя побаловала перед уходом. Ты выбрал город или тоже её работа?

Элиот усмехнулся и, упёршись руками в бока, принялся рассматривать фасад:

– Да, она не очень-то старалась оставить о себе хорошее воспоминание, но город я выбрал сам. Здесь есть неплохая ферма, где разводят лошадей для скачек, там и работаю, заодно Габриель при деле и будущей профессии. Ты не видел его?

– Видел... – Малик посмотрел Элиоту в глаза, – видел...

– Что, не можешь поверить?

– Это трудно после такого количества времени.

– Да, я тоже не верил, что он когда-нибудь станет другим... Другим... ты понимаешь, но прошло несколько лет, и я будто уже и не помню его раньше. В прошлом году он упал с крыши соседнего дома, не очень высоко, но руку сломал. Мы сидели в больнице и ждали, когда нас примут, он всё это время ныл мне в плечо. Ты представляешь?! Наш Габби около получаса сидел и ныл мне в плечо! Будь неладен этот мальчишка, но ты представляешь! – Элиот провёл рукой по волосам и взъерошил их.

Они снова замолчали, продолжая смотреть друг на друга. Теперь начал Элиот:

– Думал ты уже не приедешь.

– Я приехал попрощаться. Я уезжаю.

Элиот отвернулся и пошёл к деревянным раскладным стульям в углу двора. Он присел на один из них, достал из стоящего рядом ящика бутылку с водой и принялся пить. Малик остался подпирать столб веранды. Закрыв бутылку, Элиот спросил:

– Ты не боишься забывать? Когда-то я мечтал об этом, а теперь думаю, что останется со мной, если я всё забуду.

– Останется Габриель, останется твоя нормальная жизнь. Ты заслужил её, мы все заслужили её, Элиот.

– Как думаешь, остальные уже забыли?

– Не знаю, но Ирис точно ещё нет!

Элиот раскатился звучным смехом, Малик смеялся вместе с ним. Утирая слёзы, Малик подошёл к Вождю и сказал:

– Пора. Ты всегда знал и знаешь, что делать, я рад, что всё это время был с тобой.

Элиот встал. Он смотрел на Малика снизу вверх, серьёзный и несокрушимый, в коротких шортах и нелепых шлёпанцах. Улыбнувшись, он протянул Малику руку:

– Удачи, Флеймен! Желаю тебе быстрее всё забыть!

– Прощай! – Малик сжал его руку на несколько секунд, потом развернулся и зашагал к воротам на заднем дворе.

Малик не обернулся, выходя из калитки, и не поднял головы, закрывая её. Он пошёл по светло-жёлтой насыпи, не зная, в ту ли сторону идёт. Он шёл, сжав правый кулак, будто пытаясь сохранить пойманное рукой тепло.

Глава 2. Новый Вождь

Ветер подхватил пакет и поволок его вдоль обочины, пакет шуршал и возмущался, но ветер был неумолим, да и остановить его было некому, улица в воскресный вечер пустовала. Широкая, спускающаяся вниз в красно-малиновую гущу заката, она замерла, готовясь к очередному понедельнику жизни.

Малик Флеймен вышел из дверей отеля и, не спеша, направился к перекрёстку. Как и в предыдущие два дня он выбрал для вечерней прогулки новый маршрут, сегодня настала очередь идти на север. Дежуривший на стойке сотрудник посоветовал ему без необходимости не покидать отель в поздний час, но Малик пренебрёг наставлением. Он сам понимал, что чернокожий мужчина, неспешно гуляющий вечером в городе, где чёрными были только вороны, может привлечь небезопасное внимание, но сейчас его это вообще не волновало. Наоборот, Малик хотел быть замеченным, жаждал этого, лишь бы его заметили нужные люди.

Малик остановился на углу тротуара в ожидании зелёного сигнала светофора.

«А вдруг всё это ошибка», – подумал он.

Зелёный человечек на светофоре начал свой забег, но Малик не двинулся. Потоптавшись на перекрёстке, развернулся и пошёл обратно к отелю. Примостившись на одной из выкованных под парижский стиль лавок, он посмотрел по сторонам, потёр подбородок, шею, затем подался вперед, опершись локтями на колени, и замер.

Так он сидел некоторое время, уставившись в землю, под его взглядом были ноги, под ногами городская тротуарная плитка.

Он поднял голову. Дорога. Ветер. Закат. Небо горело, вместе с ним тротуар и дома.

«Здесь очень долгие закаты, – подумал Малик, – и что?..»

«Ничего, – ответил он сам себе, – ничего. Ничего кроме ничего».

В голове возник писклявый голос девушки из турагентства: «Мистер Флеймен, мы ошиблись! Оказывается, Вы выиграли путешествие не в Таиланд, а на Камчатку. Камчатка, мистер Флеймен, это часть России. Сейчас очень популярное направление в туризме. Мистер Флеймен, Вы были на Камчатке? О, это удивительный дикий край с особенностями русской глубинки. Русские цари охотились только на Камчатке, возможно, Вам повезёт, и Вы сможете увидеть не только медведей, но и потомков русских царей. Вы любите охоту, Мистер Флеймен?»

Писклявый голосок сменил уверенный железный баритон капитана авиалайнера: «Уважаемые пассажиры, мы прибыли в город Хабаровск». Затем отстраненный представитель турагентства вежливо и настойчиво отвёл Малика в зал ожидания, между делом уточнив, что это зал бизнес-класса, и строго-настрого наказал без представителя турагентства самостоятельно не передвигаться по аэропорту.

Долгие шесть часов Малик послушно ожидал рейса до Петропавловска-Камчатского. Рейс задерживался из-за тумана, накрывшего этот город, чьё название Малик даже не пытался ни прочитать, ни произнести. Он упорно старался не уснуть над русско-английским разговорником, когда к нему обратился, сидящий напротив человек:

– Вы американец?

Малик равнодушно посмотрел на мужчину.

– Да, что так заметно?

– Я бы сказал, нет, но у нас чернокожий сразу же ассоциируется с американцем, – и тут же добавил, подняв перед собой руки, – о, только не обижайтесь, я не хотел намекнуть на расизм и, ну в общем...

Малик улыбнулся:

– Всё хорошо, вы абсолютно правы, я американец и я чернокожий.

Незнакомец рассмеялся.

– Мы с вами с одного рейса из Сиэтла до Петропавловска-Камчатского. Вы туда по делам?

– Нет, я турист, еду смотреть «дикий край лесов и медведей».

Мужчина смерил Малика взглядом:

– Знаете, я бы посоветовал сменить костюм на хорошую куртку и крепкие штаны, а то местные камни и мхи не порадуют ваш кутюр, – и он заулыбался довольный своим красноречием.

Малик улыбнулся в ответ.

– А вы русский?

– Да! Что заметно?! – и расхохотался. – У меня в Анкоридже брат-близнец живёт, у него в этом году сын родился. Надо же на родную кровь посмотреть, а я уже запланировал, что следующий отпуск проведу на Камчатке, вот и пришлось два раза планету огигать. Через две недели в родной Екатеринбург. Вы слышали про Екатеринбург?

– Нет, – Малик уже чувствовал, что в ближайшее время ему не удастся заснуть, несмотря на сорок две страницы карманного разговорника.

– Недалеко от этого города выпускали знаменитый танк Т-34, который дал фашистам огня! Там же расстреляли последнего русского царя с семьёй.

– Значит я не встречу его охотящихся потомков на Камчатке? – с улыбкой спросил Малик.

Мужчина смутился:

– Потомков кого? Царя?

– Разве у танка они бывают?

В следующие секунды на лице нового знакомого стало просматриваться смешение двух мыслей, пришедших, как казалось, из разных полушарий, первая касалась адекватности Малика, а вторая – своих способностей в устном английском. Вторая, похоже, победила первую, и мужчина, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Я вообще люблю свой город, он находится на стыке Европы и Азии, но всё-таки в Азии, сразу за Уральским хребтом. Довольно большой, именно с Урала начинается Азия. Урал я весь излазил с Севера на Юг, теперь пришла очередь Камчатки.

Малик смотрел на разговорчивого соседа, как на живое радио. Дружественная полуулыбка Малика была тем рычагом, который не даёт сорваться найденной частоте, а частота вещала всё по той же теме:

– С таким костюмом стоит ехать в Екатеринбург, вот где он пригодится! Во всяком случае, не придется ползать по камням и оврагам, и там уж точно медведи по улицам не ходят! – и вновь расхохотался.

Просмеявшись, он добавил:

– Вообще, я бы на вашем месте начал изучение Азии с Екатеринбурга, правда, зачем вам эта Камчатка, езжайте в мой город гор и недр...

– Что?!

Эфир осёкся.

Малик уже не улыбался, а пристально и серьёзно смотрел в глаза этому русоволосому весельчаку.

– Что? – повторил мужчина.

– Почему я должен начать с вашего города?

Русский промотал в голове ранее сказанное и, не найдя ничего двусмысленного, решил, что Малик действительно заинтересовался:

– Ну, это же фактически ворота в Азию, там даже есть отметка границы «Европа – Азия».

– И я должен туда ехать?!

– ...Э-э-э... Не знаю, но я бы точно туда поехал, если бы приехал в Россию, у Урала свои история и красота, ничуть не уступающие Камчатке.

Малик потёр подбородок, затем шею.

– Спасибо вам за интересный рассказ, – Малик поднялся и взял свой чемодан. – Вообще меня зовут Малик, очень приятно, – он протянул мужчине руку, тот недоуменно взял её:

– Алексей.

– До свидания.

– А вы куда? В кафе? Так пойдёмте вместе!

– Нет, я в кассы.

– Зачем?!

– Посмотрю, что ещё на сегодня есть. Всего доброго!

Малик спешно зашагал на выход из зала ожидания.

«Зря я, наверно, так активно среагировал на этого русского, – думал он, пока искал кассы. – Может быть, из-за напряжения и неизвестности всё сейчас кажется важным и значимым».

Подойдя к первой стойке какой-то авиакомпании, он спросил:

– Вы продаёте билеты?

– Да, какое направление Вас интересует?

– Екатеринбург. Я правильно произнёс? Вы летаете до Екатеринбурга?

– Да, минуту. Прямо сейчас идет регистрация на рейс Хабаровск – Екатеринбург, с пересадкой в Москве. Прибытие в пять тридцать утра по местному времени. Свободные места есть. Полетите?

– Да.

И вот Малик сидел на кованой лавке города гор и недр и ковырял носком ботинка местную тротуарную плитку. Кончался третий день, а он по – прежнему не чувствовал ничего, кроме, пожалуй, какого-то опустошения, будто он был выпитым бокалом, из которого в этот город медленно испаряется ещё оставшаяся на стенках влага.

«А если это просто Хаос. Всё с самого начала. Как спустя столько лет я должен был распознать позыв, отличить его от всеобщего Хаоса, который уже вовсю скручивается и набирает мощь. Как?!» – разговаривал сам с собой Малик.

Он посмотрел на закат, небо ещё дымилось, обещая потухнуть не скоро. Шуршание летящего вдоль обочины целлофанового пакета отвлекло Малика. Вдруг перед его глазами возник другой закат, который был в его жизни много лет назад. Он поджигал не асфальт, не тротуарную плитку и извёстку домов, а борт, палубы и мачты корабля, отчего пахло смолой и морской солью, пропитавшей палубные доски, шорох моря о борт усиливал бесконечность той морской тишины.

Опустошение. Да, оно тоже было – опустошение изнутри, граничащее с каким-то непонятным голодом.

Малик выпрямился. Наблюдая слезящимися глазами тот закат, он не знал, что все уже на корабле и ищут его, а теперь он ищет их.

«Нет, это не Хаос, – подумал Малик, – Они в этом городе, минимум двое, но они – здесь». Умиротворенная улыбка окрасила лицо Жреца, он понял, это опустошение – опустошение начала, уже не его, не Малика, но начала.

Он поднялся и неспешно пошёл к входу в отель. Малик решил сегодня воспользоваться предложением – воздержаться от прогулок в вечернее время, тот, кого он искал – здесь, а значит, сам придёт к нему.

Все следующие дни Малик пребывал в наилучшем расположении духа. В основном работал со своим дневником, выходя из номера только на завтрак и обед, а вечером гуляя по близ-

лежащим улицам. Утром шестого дня он, как обычно, позавтракал в ресторане отеля, после чего направился к себе.

На первом этаже в лифт набилась целая толпа народа, которая покинула его на четвёртом, оставив Малика в приятном одиночестве ехать до шестого. В номере он включил ноутбук и погрузился в изучение новостей дня.

В дверь постучали. Малик скользнул взглядом по часам: для уборки комнаты было слишком рано. Стук настойчиво повторился, Малик послушно направился к двери.

– Кто там? – спросил он.

С другой стороны ответили по—русски.

– Извините, я занят! – громко произнёс Малик в надежде на интернациональное понимание общеупотребительных слов английского.

Стук возобновился. Решив встретить нарушителя своего спокойствия лицом к лицу, Малик распахнул дверь. Им оказался ремонтник, которому что-то нужно было в ванной номера. Вскоре подоспел распорядитель отеля. Раздосадованный тем, что сантехник вошёл без него и беспардонно потревожил Малика, он извинился раз пятнадцать, пока объяснял про форс-мажорный случай и необходимость починить трубу в ванной комнате, поскольку номер снизу с утра заливает.

Малик запер дневник в сейф и покинул комнату, решив провести некоторое время на свежем воздухе, а если повезёт, то даже с англоязычной газетой, которую обычно уже с утра растаскивали.

Он нажал на первый, лифт тронулся, но на цифре четыре остановился, открыв двери. Площадка была пуста, Малик вновь надавил кнопку. На первом этаже он поспешил к стойке проверить удачу в виде газеты, но удача уже была вся употреблена, и Малик без особого сожаления повернул к выходу.

– Мистер Флеймен, – его окликнул паренёк за стойкой.

– Да?

– Вам предложили другой номер?

– Спасибо, я, пожалуй, останусь в своём.

– Мне звонили сверху, боюсь, ремонт может затянуться на пару дней. Предлагаем Вам апартаменты на последнем седьмом этаже. Ванная в два раза больше и бутылка шампанского в мини-баре, подарок отеля за неудобства. Вы согласны? Я могу приказать, чтобы Ваши вещи перенесли.

– Нет, спасибо. Я сейчас сам это сделаю. Какой номер комнаты.

– Семьсот три, – дежурный протянул ключ.

Лифт остановился на пятом, на этот раз на площадке было полно народу, который тут же заполнил собой всё пространство кабины. Звучно замигала надпись «перегруз», набившиеся люди принялись рядиться, кто же будет лишним, ситуация их явно развлекала. Малик не выдержал и вышел под гул толпы.

Решив воспользоваться лестницей, он поднялся на пролёт вверх и потянул на себя дверь шестого этажа, она не поддалась. Он дёрнул сильнее. Дверь была заперта. Малик хотел пойти выше, чтобы на седьмом сесть на лифт до шестого, но, вспомнив про гудящую тонну веса, ехавшую как раз туда, передумал и направился вниз.

Попав на четвёртый этаж, Малик чуть ли не побежал к лифту, огибая расставленные в холле накрытые обеденные столы. Без происшествий доехав до своего этажа, он вошёл в номер и начал собирать вещи.

Время шло к обеду. Малик сидел за столом нового номера, изучая написанное за утро.

Телефон загудел. Звонили со стойки сообщить, что ввиду проведения в отеле одно- временно трёх конференций, администрация для распределения потоков посетителей уреди-

тельно просит его принять сегодня обед не в ресторане внизу, а в кафе, расположенном в левом крыле на четвёртом этаже.

На другом конце положили трубку, Малик замер на несколько секунд с гудящим телефоном у уха. Затем он бегло набросал на листе дневника события сегодняшнего утра, проведя карандашом вдоль строк, подвёл черту, поставив цифру «3». Три раза, а сейчас четвёртый. Похоже, его зацепило, но когда? «После завтрака, в лифте – первый, либо не первый... это ОН был там. Если меня всё ещё направляют на четвёртый, значит, он до сих пор в здании».

Малик отшвырнул карандаш и вскочил со стула, со стороны такая прыткость у человека его возраста выглядела непривычно. Он на ходу надел пиджак, закрыл номер и в четвёртый раз за этот день направился на четвёртый этаж.

Одна из сегодняшних конференций проходила, похоже, на четвёртом этаже, её участницы вышли на обеденный перерыв в холл. Большая часть ещё толпилась у раздачи, поэтому некоторые столы были полностью свободны, Малик налил себе кофе и присел за один из них. Он ждал, монотонно двигая ложку по чашке. Ждал, в принципе, неизвестно чего и даже кого, но ждал, в это время народ постепенно рассаживался с добычей по местам.

К столу Малика подошла девушка и что-то спросила по-русски. Малик инстинктивно вопросительно посмотрел на неё, но тут же осёкся и жестом руки пригласил присесть. Она села напротив, поставив перед собой чашку чая, тарелку с парой бутербродов и стандартно-европейским кап-кейком.

Малик упёрся локтями в стол, водрузив подбородок на сведенные в кулак кисти рук, и стал рассматривать свою соседку.

У неё были тонкие длинные пальцы, вполне соответствующие общей комплекции фигуры, высокой и худой. Прямые светло-русые волосы спускались чуть ниже плеч, обрамляя овальное лицо с высоким лбом и чётко очерченным подбородком. Судя по складкам в уголках больших и широко открытых глаз, она часто улыбалась. Тонкий, чуть заострённый нос придавал лицу некоторое изящество и одновременно жёсткость, которая невольно заставляла воспринимать такую женщину серьёзно. Ей было за тридцать, возможно, около тридцати пяти или чуть меньше. Брюки и классическая рубашка с расстёгнутой последней пуговицей выдавали в ней офисного работника, а видневшийся из-за ворота рубашки крестик говорил, что Малику придётся не просто.

Девушка ела, изредка поглядывая на сидящего перед ней соседа, иногда они встречались глазами, и она тут же отводила взгляд. Чернокожие мужчины, тем более одетые в дорогие костюмы, не так часто встречались в этом городе, поэтому Малик закономерно вызывал интерес, но она даже представить себе не могла, насколько её интерес был взаимен.

Смотря на неё, Малик вспомнил слова своего прежнего жреца: «При внимательном изучении не можешь понять, в чём здесь дело, но все вожди похожи! Думаю, взором... да, прежде всего, им». До этого момента Малик не видел ни одного вождя, кроме своего, но сейчас он мог точно сказать: «У них один взгляд, смотрящий, будто в одну точку, а вернее, в одну цель».

Девушку явно напрягало такое повышенное внимание с противоположной стороны. Её смущение и недоумение достигло предела, когда она увидела, что сидящий напротив стола мужчина не просто пристально её разглядывает, но ещё и улыбается!

Наташа в этот день отправилась на семинар, организованный в рекламных целях одной из консалтинговых фирм. Не то чтобы его тема была особо интересна, просто всё начальство вместе со срочными делами уехало как бы в рабочую командировку в Вену, её отдел готовился к переезду в новый офис, из-за чего в кабинетах царил хаос, поэтому, когда пришло приглашение, она согласилась. Отель, где проходил семинар, находился недалеко от её дома, таким образом, она решила устроить себе небольшую рабочую передышку, а по окончании уйти сразу домой и возможно даже лечь спать пораньше.

На второй кофе-брейк Наташа вышла чуть позже остальных, поэтому, обнаружив, что в обеденном зале не осталось свободных столов, решила подсесть к чернокожему мужчине с одинокой чашкой кофе. Вообще она его заметила сразу, как, наверное, и все, кто был в помещении: высокий, статный и ухоженный, он являл собой «белую ворону», как бы противоречиво это не звучало с точки зрения цветового несоответствия.

Наташа пожалела о выбранном для обеда месте почти сразу: сосед не сводил с неё глаз, при этом всяческие попытки показать ему, что она это заметила, не возымели успеха.

Именно в такие минуты вспоминаешь, как тяжело есть, когда на тебя кто-то смотрит. Наконец, она не выдержала и строго посмотрела на него, но тот даже не подумал смутиться или отвести взгляд, более того, он заулыбался. Мужчина, не переставая, смотрел ей в глаза и улыбался. Наташа вдруг подумала, что может быть, они с ним знакомы, скорей всего, пересекались по работе.

– Мы знакомы? – спросила она, и тут же повторилась по-английски.

– Пока нет, меня зовут Малик Флеймен.

– Наталья... – она по привычке хотела произнести фамилию и название компании, но как ей казалось, вовремя спохватилась. – Вы будете выступать на семинаре? Я не видела в программе иностранных лекторов или... – она прервалась, передавая партнеру эстафету по диалогу, который должен был закончиться раз и навсегда вместе с окончанием десерта.

– Нет, я не лектор, я – постоялец этого отеля. Вообще, я – жрец.

– Я поняла, ваша фамилия – Флеймен¹.

– Нет, – мужчина улыбнулся, – моя профессия flamen, ну или sacrificer, раньше так называли тех, кто служил в языческих храмах, а одноименную фамилию Флеймен я взял после отмены рабства в США.

– Рабства?

– Да, после его отмены в одна тысяча восемьсот шестьдесят пятом году чёрным разрешили взять себе фамилии.

Наташа посмотрела по сторонам убедиться, что вокруг достаточно людей, если придётся звать на помощь.

Сосед, тем временем, продолжал:

– Хочу вам сделать комплимент, у вас очень умные глаза, и по этим глазам я вижу, что ещё немного, и вы убежите.

– Насчет «немного» вы преувеличиваете, кажется, мне уже пора, – перебила она.

– Поэтому я потороплюсь и вот что скажу: до этого часа я вас не знал и никогда не видел, не знал вашего имени, специальности и сколько вам лет, но я знаю, что у вас есть младший брат или сестра, вы не сильно близки со своей семьёй и не имеете детей, но мечтаете о них. Всё это я знаю, потому что вы являетесь вождем нового круга, поскольку старый круг завершился, а моя задача, прежде чем уйти, собрать новый, насколько это возможно. Я советую вам остаться и выслушать меня до конца, ведь даже если вы уйдёте, то ненадолго, менее чем через двадцать четыре часа мы опять встретимся.

– Что значит «встретимся»? – спросила Наташа глухим голосом, глядя исподлобья.

– Меня снова приведёт к вам.

– Кто приведёт?

– Никто, сеть причинно-следственных связей, развивающаяся в соответствии с конечной целью, то есть следствие уже известно, а причины подстраиваются под него, если объяснять более простым языком.

¹ Flamen (флеймен) переводится с английского как «жрец» (здесь и далее все примечания принадлежат Автору, если не указано иное).

– До свидания, – Наташа сняла сумку со стула, поднялась и быстро ушла, скрывшись за дверями зала семинара.

Сев на место, она почувствовала, как сильно бьётся её сердце, руки дрожали, а по ногам пробежала лёгкая судорога. «Успокойся, – твердил внутренний голос, – не совсем вменяемый мужчина, в принципе, не сказал ничего страшного, с чего ты так испугалась!» Семинар начался, но Наташа его уже не слушала, снова и снова она прокручивала в голове всю ситуацию: незнакомец в бежевом костюме говорит, что знает о ней, какой-то бред про жрецов, рабство и круги, и он придёт снова, это пугало её больше всего.

Не скоро, но она заставила себя успокоиться. «В конце – концов, не был этот человек похож на маньяка или фанатика, – в который раз проговаривала она. – Секты так к себе не заывают, а часть того, что он сказал, я вообще могла неправильно истолковать, поскольку говорили на английском. Чёрт меня дёрнул к нему сесть!»

После окончания семинара Наташа поспешила выйти вместе со всей толпой, чтобы, не дай Бог, не остаться одной в пустом зале. Пешком домой она также не пошла, а села в троллейбус и всю дорогу вертела головой по сторонам.

Дома она ещё раз обдумала произошедшее, после чего решила, что встреча была определённо неприятная, при этом она не несла в себе ничего достаточного, чтобы считать её опасной, и было бы неразумно уделять случившемуся ещё сколько-нибудь внимания. На этом выводе Наташа поставила точку и когда ложилась спать, даже не стала оставлять свет в прихожей.

Глава 3. Первое явление Хаоса и Белого воина

Наташа закрыла глаза в надежде хоть так остановить безумно мчавшееся в этот день время, а вместе с ним и дела, валившиеся, словно где-то прорвало дно. Трель рабочего телефона сообщила, что дно ещё не залатали. Наташа открыла глаза. На зелёном табло аппарата светилось «Архипов О. В.». Она прокашлялась и взяла трубку:

– Да.

– Он ответил...

– ...

– Написал, что мне надо ехать.

– Значит езжай.

– Ну, да...

– А что у тебя с Войсом, ты там закончил?

– Пока нет, но это может подождать.

– Ты же говорил, что в следующий понедельник они будут подписывать, а сегодня среда.

Когда у вас планируется поездка вообще?

– Получается, в пятницу.

– Хм, самое оптимальное время для начала командировки, – привычное раздражение стало прорываться наружу, почувствовав это, она продолжила спокойнее, – почему ты считаешь, что Войс может подождать?

– Ну, у них там ещё кое-какие вопросы технического плана, не факт, что до понедельника решат.

– А если решат? В общем, тебе до отъезда нужно здесь всё закончить. Когда вы возвращаетесь?

– В среду.

– Ясно. Это всё?

– Свободных машин нет в гараже, поэтому поедем на моей.

– Хорошо.

Она положила трубку и посмотрела на часы. Ещё только одиннадцать сорок, а такое ощущение, что сегодня случилось всё, что могло произойти за неделю, включая это дурное совещание, которое вдруг приспичило собрать сегодня.

Через некоторое время одетый Архипов показался в дверях кабинета, намекая, что пора. Наташа застегнула куртку и вышла за ним. По дороге она заглянула в один из своих отделов и предупредила, что едет в главный офис часа на три.

Войдя в лифт, Архипов сказал с полуулыбкой:

– Переезд в новое здание явно затянулся, полрабочего дня тратишь на разъезды между офисами.

Наташа оценила попытку заполнить паузу: «Поберёг бы темы для разговора до машины», – и, не отводя глаз от мигающих на табло цифр, ответила:

– Мы любим размах.

Больше они не разговаривали.

Наташа открыла глаза. Окрашенная наполовину в белый, наполовину в жёлтый стена травмпункта никуда не делась. «Да, никогда не говори, что сегодня случилось всё, что могло. Называется, не сотрясай пространство», – подумала она. Действительно, перелом двух пальцев, ещё и правой руки совсем не входил в её планы.

«Что за дурной день, прямо хоть святых...», – Наташа не закончила мысль, поскольку увидела в отворившейся двери коридора чернокожего пожилого мужчину, её даже в жар бросило. Похоже, и он не очень-то ждал её появления, так как остановился перед ней, как вкопанный. Спустя мгновение мужчина развёл руками, что, наверное, означало «ну, я же говорил», и не спеша, присел на скамейку напротив.

Наташа вытаращила глаза, после всего случившегося он был для неё наливной вишней на торте из неприятностей. Мужчина же, наоборот, выглядел более чем спокойным. Потирая подбородок, он смотрел соломоновским взглядом и опять, опять улыбался. Наташа не вытерпела:

– Что вы здесь делаете?!

Тот вновь развёл руками.

– В отеле на моём этаже произошла утечка газа, и всех, кто в это время там был, отвезли в больницу проверить на интоксикацию.

– Но здесь травма, а не поликлиника! В России это разные отделения!

– Мне сказали, что так, – он указал на коридорную дверь, – я смогу выйти прямо на улицу, где ожидает такси от отеля.

Ей было нечего возразить, и от этого раздражение только усилилось. Умом она понимала, что это бред, но всё равно ей казалось, что именно этот непонятный человек виноват во всём, и в диком утреннем аврале, и в аварии, и в переломе.

Мужчина присел рядом, Наташа корпусом подалась в противоположную сторону.

– У вас что – перелом? – он потянулся к её кисти.

Наташа отдернула руку, боль резанула по пальцам.

– Послушайте, я – Жрец, и одна из моих основных задач – исцелять входящих в Круг. Я могу вам помочь, дайте руку, – он протянул раскрытую ладонь.

– Оставьте меня! – прорычала она.

Творившееся уже второй день перестало уместаться в её картину мира и общую логику вещей, из-за чего она чувствовала, что становится уязвимой, поскольку не успевает решить, что со всем этим делать.

Мужчина не убрал ладонь:

– Можете мне не верить, но подумайте сами, чем я могу навредить, вашу руку я даже сжимать не буду. Кругом ходят люди, в кабинетах тоже кто-то находится, мы не одни. В конце – концов, что вы теряете? Обещаю, если я вам не помогу, то тут же уйду, потому что это будет означать, что я ошибся, и вы не Вождь.

Наташа не смогла бы чётко пояснить, что из его слов её убедило. Она с осторожностью вложила кисть с двумя припухшими пальцами в его тёмную ладонь.

– Безымянный и мизинец, – тихо произнёс Малик себе под нос.

Наташа, не отрываясь, смотрела на руку, готовая в любой момент её убрать. Вдруг ей стало казаться, что у неё рябит в глазах. Она поморгала, рябь исчезла, как и краснота с припухлостью. Привычно ровные, телесного цвета мизинец и безымянный пальцы ничем не выделялись на фоне остальных.

Мужчина медленно вытащил свою ладонь из-под её руки. Он даже не спросил, что она чувствует и чувствует ли вообще.

Наташа попыталась сжать пальцы, и они с легкостью послушались. Боли не было.

– Как это произошло? – серьёзно спросил Малик.

Она вздрогнула:

– Что? Авария? Пьяный водитель выскочил на красный...

– Следующий на гипс! – прогремел над их головами железный голос глыбообразной медсестры.

Вздрыгнули оба. Наташа вскочила, прихватив уже бывшей больной рукой свой рентген, и вбежала в кабинет, захлопнув за собой дверь.

– Снимок и документы мне, сами туда, – медсестра не глядя ни «туда», ни на Наташу, склонилась над бумагами.

Наташа тем временем прощупывала каждый фаланг, не веря чуду превращения. За этим делом её и застала медсестра:

– Что, не больно? – интонации в железном голосе не было вообще.

– Нет.

– Ну-ка дай сюда! – та, не церемонясь, выхватила у неё руку. Изучив одну, она взялась за другую, потом посмотрела на снимок и снова перебрала пальцы.

– Тебе точно твой рентген дали? Ты сюда попала с переломом костей кисти? А больше нигде ничего не болит?

– Нет.

Спустя некоторое время уже в другом кабинете три врача стояли рядом, держа напротив окна два снимка одной руки, сделанных с разницей в час. На одном даже Наташе из-за их спин были видны белые полосы, пересекающие по диагонали два пальца, на другом полос не было. Врачи что-то бурчали, но Наташу уже не волновал ни перелом, ни его заживление, она помнила, что в коридоре ждёт так называемый жрец, который опять будет её «лечить». «Хоть в окно вылезай, всё равно первый этаж», – размышляла она.

Наконец, тройка богатырей российской медицины распалась, один из них подошёл к ней, огласив консенсус:

– У вас нет перелома.

Не дождавшись продолжения содержательной тирады, она спросила:

– А что тогда было?

– Если исходить из снимка, то перелом...

– И-и-и-и?

– ...В общем, необходимо ВАШ случай рассмотреть более подробно с более широким кругом специалистов, в том числе тех, кто занимается медицинским оборудованием.

– То есть рентгеном, изобретённым в девятнадцатом веке?

Врач вздохнул и обернулся к другим, не найдя поддержки, после очередного вздоха продолжил:

– Можно предположить, что имеет место какая-то супер – быстрая регенерация костей, но с учётом скорости, с которой срослись ваши кости, такой регенерации быть не может. Нас удивляет даже не это, судя по снимку, у вас вообще никогда не было перелома этих конечностей, из чего следует только один более-менее логичный вывод – аппарат дал сбой, и был просто ушиб... который прошёл.

– И что мне теперь делать?

– Идите домой, и радуйтесь здоровым рукам! Карту можете оставить здесь, ваши контакты мы записали, так что, возможно, вас попросят принять участие в дополнительном исследовании, так сказать, на благо и развитие медицины.

– Да, ей это явно не повредит, – на этих словах Наташа вышла в коридор, где ничего не изменилось, всё также на лавке сидел пожилой чернокожий мужчина.

– Ну, как? – спросил он.

Наташа не ответила, а уперев руки в бока, уставилась на него. Он продолжил:

– Вы так и не рассказали толком, что произошло?

– Пьяный водитель вылетел на перекрёстке на красный, но мы успели проскочить, при этом врезались в машину впереди, не сильно, но я ушибла пальцы.

– А что пьяный водитель?

– Влетел не в нас, а в трамвай.

– То есть все могло закончиться хуже?

– Возможно, а возможно и нет. Я не знаю, пострадал ли кто-нибудь в трамвае. Скорая подъехала быстро и меня забрали.

– Натали-я, – произнёс он её имя со стандартным иностранным акцентом, – произошедшее на самом деле может свидетельствовать, что вокруг вас уже собираются не очень хорошие силы, – он наклонился вперёд, – вы должны выслушать меня, поверить и пойти со мной. Говоря это, я более чем серьёзен и более чем не шучу. Вы же видите, мы встретились менее чем через сутки, я вылечил вашу рану, всё это означает, что я не ошибся и вы та, кого я ищу. У меня нет других возможностей заставить вас поверить, но вам придётся это сделать, потому что одной вам уже начинает быть небезопасно.

– Значит, авария была неслучайной, и кто её спровоцировал, помимо производителей алкогольной продукции? – Наташа, как она считала, задала вполне логичный вопрос, решив, что если получит на него более – менее ясный ответ, то может быть на некоторое время останется и, хотя бы просто выслушает его, но находясь на расстоянии, а то гипноз и прочее...

– Хаос.

– Кто?!

– Хаос, противоположность Порядка. Бессистемное ничто, стремящееся к единому состоянию, которое можно охарактеризовать как «ничего» или «вечный покой».

Наташа не могла поверить, что, не боясь её моментального ухода, он такое говорит.

– Знаете, мне пора! – она зашагала к выходу.

– В любом другом месте, но не позднее двадцати четырех часов с этого момента.

Наташа резко развернулась:

– Послушайте! Я сейчас тоже говорю абсолютно серьёзно, если вы не прекратите меня преследовать, я заявлю на вас в милицию, то есть уже в полицию. Хватит!

– Это вы меня тянете за собой, а не я преследую вас!

– Я не шучу!.. – она пристально посмотрела на него и ушла.

Наташа вышла из поликлиники в твёрдой уверенности заявить о случившемся, предварительно посоветовавшись с начальником их службы безопасности, который когда-то служил в органах, как и все его подопечные.

Малик вскочил среди ночи. Он сидел на кровати, уставившись в одну точку, а в голове у него крутилась слова Элиота: «Что-то мне вспоминается фраза про старого осла». Элиот всегда так говорил, когда делал что – то не так.

«Как, как я мог дать ей уйти?! Когда только увидел её сломанные пальцы, надо было хватать за шиворот и увозить. Осёл, старый осёл!» Малик встал с кровати, из шкафа вынул чистую рубашку и принялся одеваться, на ходу звоня на стойку регистрации. Ответили не сразу.

– Я хочу заказать такси на текущее время.

– Куда поедете?

«А куда я должен ехать?! Что я вообще о ней знаю, кроме имени? Больница! Там наверняка есть её данные».

– Скажите больница, в которую нас возили при утечке газа, работает сейчас?

– ...Скорей всего, приёмное отделение, но я точно не знаю. Уточнить?

– Да! У вас есть штатный переводчик на сейчас?

– Переводчик? Нет.

– А вы? Я заплачу!

– Боюсь, что не могу покинуть пост.

Малик засопел в трубку.

– Тогда ничего не надо!

Оставшуюся часть ночи он не спал, оделся и сидел в кресле у окна, дожидаясь рассвета, иногда шёпотом повторяя: «Что-то мне вспоминается фраза про старого осла».

С утра человек на стойке отеля под упорным давлением Малика связывался с переводческими агентствами, после чего направил его по одному из адресов.

Утренняя пробка не способствовала скорому продвижению по городу, но между тем, она пошла Малику на пользу: он успокоился и вновь с холодной трезвой головой обдумывал дальнейшие действия. Внезапно что-то привлекло его внимание, Малик даже не сразу понял, в чём дело. Он пригляделся, на тротуаре рабочие выгружали из автомобиля коробки со знакомой эмблемой на стенках, такой же, как на пакете, который был у Вождя при встрече в гостинице.

– Стоп! – громко сказал он водителю, наскоро расплатился и вышел из такси на дорогу; оглядя автомобили, поспешил к рабочим.

– Где ЭТА компания?! – он постучал по логотипу на коробке.

Его, конечно, не поняли, грузчики на время остановились, неприкрыто разглядывая возмутителя спокойствия.

– Это, это! – он бил рукой по бокам коробки. – Где?! – кричал Малик, растопыривал руки и оглядывался по сторонам, всячески изображая поиск. Рабочие, открыв рты, наблюдали за ним. Вдруг Малик увидел, как из подъезда рядом стоящего офисного здания вышел человек в такой же спецодежде, что и на этих парнях.

Не задумываясь, он направился к небоскрёбу из стекла и бетона. Малик не ошибся, внутри стояла целая пирамида уже знакомых коробок, которыми грузчики постепенно наполняли лифт. «Похоже, они только переезжают, значит, её может здесь и не быть», – размышлял он, идя по холлу.

Не встретив никакого сопротивления на стойке администрации, Малик спокойно прошёл к лифтам и, приняв «кого-то ожидающий» вид, наблюдал: часть коробок загрузили, лифт тронулся, электронное табло замигало цифрами, на пятнадцати мигание остановилось и не продолжилось. Малик подошёл к соседнему лифту и нажал кнопку вызова. Пока он ожидал, вокруг собралась толпа народа, вместе с которой он и отправился вверх.

В кабине загорелась цифра четырнадцать, двери разъехались, в тот же миг его пронзил острый яркий свет, и Малик вжался в стену. Нестерпимый холод заполнил тело, словно каждая клетка крови превратилась в хрусталик льда. Малик хотел заслониться, но не мог, парализованный холодом, он лишь сумел отвернуть голову и закрыть глаза. Казалось, вот – вот и он упадёт под давлением ледяного натиска, но двери стали закрываться, и свет пошёл на убыль. Малик из последних сил заставил работать мышцы шеи, повернувшись к дверям, он увидел в задвигающихся ставнях женскую фигуру со светлыми короткими волосами, она стояла на этаже и смотрела на Малика. Этот жуткий, сковывающий свет излучали её глаза, серые и холодные. Малик тут же отвёл взгляд. Двери лифта закрылись, и свет исчез. У Малика тряслись колени. Он чувствовал, как тепло вновь разливается по телу, но рубашка и брюки оставались холодными, будто их только что достали с мороза.

Немного шатаясь, Малик вышел на пятнадцатом этаже. «Он здесь... Он уже здесь», – шептал он, когда упёрся в стойку администрации, похожую на средневековую цитадель, из глубины которой милело личико молодой секретарши.

– Добрый день! Вы говорите по-английски? – промямлил Малик.

– Да! Чем могу вам...

– Моя фамилия Флеймен, и я ищу женщину, она работает в вашей компании, зовут Наталья, высокая, худая, длинные светлые волосы! – выдохнул он.

Девушка смутилась.

– Женщину?

Малик, немного отошедший от потрясения, разозлился. Он выпрямился, специально посмотрел на часы и властным тоном сказал:

– Простите, Мэм, но у меня сегодня еще три встречи. Мы с Натальей должны были встретиться десять минут назад, визитница осталась в машине, а я не специалист в русских фамилиях, чтобы воспроизводить их по памяти!

Нужный эффект не заставил себя ждать, секретарь переменялась в лице и затараторила:

– Возможно, по описанию, Вы ищите Наталью... – она назвала фамилию, но Малик не разобрал и только кивнул.– Идёмте, я вас провожу.

– Спасибо.

Он проследовал за ней вглубь коридора, остановившись у двери с номером «1540», девушка постучалась, Малик не стал ждать и, схватившись за ручку, вошёл внутрь. В просторном светлом помещении с окнами во всю стену до пола сидела она. Малик резко развернулся к секретарю и, сказав ей с самой обворожительной улыбкой: «Спасибо», – закрыл дверь.

Если бы глаза всё-таки вылезали из орбит, Наташа наверняка бы проделала этот трюк, когда увидела в своём рабочем кабинете этого ужасного старика. Возглас удивления превратился в сип.

– Что?! – прошептала она. – Как!

Малик быстро подошёл к ней и со словами: «Идём!», – попытался взять за руку. Наташа, видимо, придя в себя, выскочила из кресла и отлетела к окну. Прекрасно зная порядковый номер своего этажа, она всё равно посмотрела вниз, определяя как долго лететь.

– Я позову охрану! – шипела она, голос предательски пропал.

– Я сказал живо! – прогремел Малик. – Нам некогда играть в догонялки! Хаос уже здесь, Он знает, что я здесь, и Он знает, что ты здесь. Мы не можем ему позволить убить обоих одним ударом! Пошли, пока ничего не произошло!

Этот маньяк загораживал ей проход к выходу, между ними был только её рабочий стол. Она бросилась к телефону на столе, схватив трубку, нажала первую попавшуюся кнопку вызова. Малик начал обходить препятствие, в этот момент дверь кабинета открылась, он обернулся. Вошла секретарь, а за ней Он, вернее сейчас это была Она, девушка с серыми глазами. Малик в три прыжка оказался у двери, вновь показывая не свойственную его возрасту прыть, одним ударом раскрытой ладони в грудь он вытолкнул девушку, за ней полетела и секретарь. Малик захлопнул дверь, схватил недалеко стоящий стул и заблокировал ручку.

К тому времени Наташа опомнилась и тоже устремилась к входу, чтобы помешать ему. Снаружи узнали, что она в беде, и вытащат её. Наташа схватила Малика под локоть в надежде на миг оттолкнуть и тут же освободить дверь.

Раздался треск. Наташа замерла, потому что треск шёл из-за её спины, а кроме них двоих в кабинете никого не было. Они обернулись одновременно и также одновременно похолодели. По окну от центра расходились трещины, расходились очень быстро, будто кто-то молниеносно плёл паутину. Целые части делились на более мелкие, которые тут же начинали делиться сами. Треск становился всё оглушительнее.

Наташа, не отрываясь, следила за паутиной, но вдруг её схватили за шиворот, и она буквально полетела вглубь кабинета. Втолкнув Наташу в угол между книжным шкафом и стеной, Малик открыл деревянную дверцу шкафа и зафиксировал её изнутри одной из ещё не распакованных коробок. Треск продолжался.

За этой наспех сделанной баррикадой он присел перед Наташей и обнял её, прижав голову к своей груди. Треск прекратился и раздался хлопок. Миллиард мелких стёкол на огромной скорости влетели в кабинет. Они царапали и раздирали стены, мебель, разбивали цветочные горшки, останавливаясь только, когда застревали глубоко внутри своей жертвы.

Затем всё стихло. Наташа осторожно высвободилась из рук Малика и огляделась. Кабинет словно вспороли, дверцу шкафа – часть их защиты, пробило насквозь везде, где она не была закрыта коробкой, рыжие щепки торчали по всей поверхности. Стена шкафа уцелела, видимо удар пришёлся на книги и папки с документами внутри. Ветряная турбина кружила листы

бумаги, вытягивая их наружу. Наташа, вжавшись в угол и прижав колени к груди, оставалась на месте, ей казалось, что мир стал хрупким и абсолютно ненадёжным, а любое её движение спровоцирует ещё одно разрушение.

Из-за двери был слышен гул. Малик поднялся, ощупал стену, оглядев комнату, заметил на полу сбитую со шкафа железную статуэтку, схватил её и со всей силы ударил по офисной перегородке. Гипсокартонные перекрытия быстро подались, засияла дыра, которую Малик доломал руками.

Он помог Наташе подняться и, не говоря ни слова, подтолкнул её к пролому. Наташа пролезла, порвав рукав джемпера. Соседний кабинет пустовал. Малик услышал, как снаружи стали выбивать замок двери. «Похоже, охрана подроспела», – подумал он и нырнул в нору.

Малик очень осторожно открыл дверь их нового кабинета, они прошмыгнули в неё и стремглав пошагали по коридору в обратную от толпы сторону. Гул толпы и удары в дверь заглушили их выход.

Он всё время держал Наташу под локоть, ведя за собой, за поворотом возникла дверь со знаком «Выход», ведущая на лестницу. Малик пропустил Наташу вперёд, затем оглядевшись по сторонам, вышел сам.

Вдвоём быстро бежали они вниз по узким ступеням небоскрёба. Внезапно Наташа остановилась, Малик тоже затормозил, вопросительно посмотрев на неё, и тут услышал то, что, в отличие от неё, не уловил ранее: стук, стук чего-то железного обо что-то железное, раздававшийся снизу. Малик перегнулся через перила, по мельканиям на лестнице было видно, что нечто быстро поднимается вверх с нечеловеческой скоростью, но что это было, он разглядеть не мог. Наташа тоже следила, как тёмное пятно с размытыми скоростью очертаниями то исчезало, то вновь появлялось, стремительно продвигаясь вперёд. Наташа слотнула.

– Сюда! – услышала она.

Малик стоял за выступом в стене и держал наготове какую-то железную балку, видно прихваченную из валявшегося местами строительного мусора.

– Сюда, – повторил Малик, рукой показывая за себя. Наташа залезла за его спину, после чего пропала даже видимость, что Малик хоть как-то скрыт выступом стены, он просто стоял на лестничной площадке, держа балку в руках.

«Возможно, это и есть конец», – подумал Малик и понял, как легко и просто он проиграл.

Летающее по лестнице пятно появилось в их пролёте, поравнялось с ними, и Малик с размаху ударил по нему. Удар прозвучал глухо, полбалки отлетело в сторону, а пятно остановилось.

Перед Маликом стоял ошарашенный парень, обыкновенный молодой парень в осенней куртке, из-под которой снизу торчал пиджак, а сверху – галстук. Он ощупывал свою голову разбухшей серо-серебряной рукой в поисках места удара, и глядел то на балку, то на Малика. Убивать их он вроде не собирался.

– Олег?! – раздался голос Наташи. – Это ты так бежал?!

– То есть? – пробормотал тот. – У вас что-то случилось наверху, я не смог дождаться лифта и побежал по лестнице.

– Вы знакомы? – спросил Малик у Наташи.

– Да, работаем вместе.

– Ясно. Теперь все вниз, надо уйти отсюда подальше.

– Там что-то происходит! – возразил Олег.

– Так, парень, – Малик взял Наташу за плечо и подвёл к нему, – смотри! Ты её нашёл, она жива, и сейчас мы спускаемся вниз, потому что тебе уже нечего делать наверху. Пошли!

– Но в офисе, действительно, что-то опасное! – упорствовал тот.

Малик, не отпуская Наташу, спустился на несколько ступеней и, обернувшись, сказал:

– Ты можешь идти туда, либо можешь уехать с нами, что тебе ближе?

Олег посмотрел вверх, затем на уходящих Малика с Наташей, немного потоптался и поспешил за ними, но оступился и схватился за перила, пространство сотряс железный удар, Наташа и Малик остановились. Олег отдёрнул от перил правую руку и тут только увидел, что с ней.

– О, Господи! – прошептал он, разглядывая изменившиеся до неузнаваемости ладонь и пальцы.

– Идём! – крикнул Малик. – Потом налюбуйся!

Олег вздрогнул и последовал за ними, абсолютно ничего не понимая, в том числе и того, почему он вообще куда-то с ними идёт.

Машина Олега благо была припаркована рядом. Малик помог Наташе сесть на заднее сиденье, сам обошёл машину и сел рядом. Мотор заработал, и они тронулись, Олег посмотрел на руку, рука прошла.

Глава 4.

Лекция о международном положении

Они ехали уже минут двадцать.

– Мне плохо... остановите... – попросила Наташа.

Олег взглянул в зеркало на Малика, тот кивнул. Олег свернул на обочину, идущую вдоль серого забора, ограждавшего промышленную зону. Наташа вылезла из машины.

– Иди за ней, – сказал Малик Олегу.

Последний вопросительно посмотрел.

– Иди, чтобы ничего не произошло, – повторил Малик.

Олег решил, что этому старику виднее, что там у них произошло, вышел на дорогу и встал у водительской двери.

Наташу тошнило. Олег, положив руки на крышу кузова, облокотился на машину, раздался лязг. Не понимая, откуда идет звук, он начал осматривать автомобиль, когда вновь увидел ЭТО.

Его правая рука увеличилась раз в пять, будто кто-то надел на неё огромную перчатку стального цвета с сине-фиолетовым отливом. Олег поднёс руку к глазам. Он не чувствовал ни тяжести, ни боли, ни иного дискомфорта. Изнутри и снаружи перчатка состояла из шести-гранных похожих на пчелиные соты чешуек, примыкающих друг к другу гранями. На ладони не осталось ни линий, ни вен, видны были только деления между фалангами пальцев. Чешуйки ещё сантиметра на четыре спускались ниже по запястью, а потом как-то сами собой растворялись. Олег осторожно потрогал разбухшую ладонь пальцем левой руки. Ладонь была гладкая, холодная и на ощупь напоминала камень, прекрасно отшлифованный. Олег пошевелил пальцами. Нет, это был не камень, камень не способен менять форму, в то время как его кисть с лёгкостью сжималась и разжималась, показывая естественные линии сгибов. Олег сжал руку в кулак и сам поразился его внушительности.

Хлопнула дверь машины, Наташи на улице уже не было. Олег снова посмотрел на руку, на глазах чешуйки и грани между ними стали светлеть, а сама рука уменьшаться в размерах. Постепенно грани полностью пропали, и Олег уже начал различать привычные линии на ладони и пальцах. Проезжающие мимо водители могли видеть, как у автомобиля на обочине стоит молодой парень и с открытым ртом в упор разглядывает собственную ладонь. Рука Олега вновь стала человеческой.

Малик, также наблюдавший картину «Познание», постучал по оконному стеклу, Олег развернулся. Малик пальцем показал ему на сиденье водителя, тот вернулся в машину. Перегнувшись через водительское сиденье и выставив вперёд правую руку, он заорал:

– Вы видели, что было со мной, с моей рукой?! Мне нужно в больницу!

– Ей было плохо, – Малик показал на Наташу, – но сейчас всё прошло.

– Что с *моей* рукой?!

Малик вздохнул:

– С тобой всё нормально, позже объясню, сейчас лучше скажи, где мы и куда едем?

– ... Я вообще ехал по направлению к своему дому.

– Интересный выбор. Так... значит, поехали дальше по этому же маршруту. По приезду разберёмся.

Олег не двинулся, продолжая смотреть на Малика.

– И я всё поясню, в том числе и про твои особенности, – добавил Малик, но видя, что Олег даже и ухом не повёл, продолжил, – я клянусь, с тобой всё хорошо.

– Вы что – врач? – спросил Олег.

– Да, – чуть помедлив, ответил Малик.

Олег смерил Малика взглядом, развернулся к рулю и завёл мотор. Он посмотрел в зеркало на Наташу: бледная с закрытыми глазами полулежала на сиденье. Олег достал из бардачка бутылку воды и салфетки.

– Наташа, – позвал он и протянул ей.

Вскоре их машина вновь выехала на дорогу.

Олег припарковался и выключил мотор. Посмотрев в зеркало заднего вида, он нашёл, что один из его попутчиков был в полуобморочном состоянии, а второй с умиротворённым видом ковырялся в гаджете. «Пора со всем этим заканчивать», – подумал он.

Никто не обратил внимание на то, что движение прекратилось, и Олег начал первым:

– Ну, вот мы и прибыли, – он развернулся к Малику с Наташей, – я, конечно бы, пригласил всех на чай, но хочется как-то прояснить ситуацию, ну и познакомиться для начала.

Малик, не спеша, отключил телефон, засунул его в карман пальто, затем протянул Олегу руку:

– Малик Флеймен, прежний Жрец.

Олег внимательно посмотрел на него.

– Архипов Олег Валерьевич, – сказал он в ответ и пожал морщинистую тёмную руку.

– Простите, я не очень разбираюсь в русских полных именах, как я могу вас называть?

– Олег. Моё имя Олег.

Малик повернулся к Наташе и спросил:

– Натали-и-я, правильно я понял, вы с молодым человеком работаете вместе?

Наташа отрыла глаза, посмотрела на Олега, затем перевела взгляд на Малика и кивнула.

– Отлично! – произнёс Малик. – Ну, что же, добро пожаловать в приключение, длиной в полтысячелетия! – кроме Малика никто больше не улыбался, он устроился поудобнее и продолжил. – На самом деле нам всем нужно скорее ехать дальше, ближайший рейс в Санкт-Петербург меньше, чем через шесть часов, и было бы намного разумнее рассказать вам всё по дороге, но вижу, вы хотите получить объяснения сразу и сейчас, и без них куда-либо тронетесь только под наркозом. Придётся принести часть драгоценного времени в жертву и хоть как-то описать ситуацию, очевидную для меня и абсолютно непонятную вам.

По глазам собеседников Малик убедился, что монолог не станет диалогом, и продолжил:

– Как я уже сказал, мы торопимся, поэтому буду говорить очень кратко очень важные вещи. Прошу меня не перебивать, поскольку я скажу только то, что сейчас вам нужно более всего знать, всё остальное потом.

Итак, – Малик потёр подбородок, – вам уже достаточно лет, чтобы усвоить привычную для всех людей картину мира, а именно, что мир состоит из набора причинно-следственных связей, и у каждого следствия есть своя причина. Это признанный и принятый всеми порядок устройства. Все законы физики, химии, аксиомы геометрии и тому подобное являются причинами устройства определённым образом нашей планеты. Кроме того, любые процессы, происходящие как со всей планетой, так и с отдельным человеком или предметом, имеют свои причины. Если в мире происходит что-либо, что не имеет своей причины, то люди до последнего ищут её, строя гипотезы, проводя эксперименты и прочее, а не найдя, либо называют это чудом, случайностью, необъяснимым явлением, либо сходятся во мнении, что причина просто пока не найдена.

Сейчас мы снисходительно думаем о людях, которые ещё полтора века назад признавали многие явления божьим проведением, ведь сейчас в столь прогрессивное время мы знаем, почему происходят землетрясения и торнадо, отчего умирают люди, ну, в большинстве своём. С раннего детства человек изучает этот причинно-следственный порядок, он получает высшее образование, чтобы знать причины и работать со следствиями. Человек продолжает изучать

и изучать, потому что он чётко знает, что следствие имеет причину, а если произошло что-то, что мы не можем объяснить, то это только потому, что мы пока и только пока не знаем причины; и обычные люди, и учёные привыкли видеть планету и существующий на ней мир как результат определённого порядка.

Причинно-следственное устройство нашего мира, действительно, и есть Порядок, но, – Малик сделал паузу, – Порядок – не перманентное состояние мира, он не является его строением. Причинно-следственный порядок мира есть всего лишь сила, которая определяет ход и законы жизни на Земле, и только в тот период пока она поддерживается на этой планете. Эта сила поддерживается годами, переходящими в века и тысячелетия.

Есть и другая сила – антагонист Порядка, мы называем её Хаос, она, если можно так сказать, – Малик усмехнулся, – отвечает за «чудеса»... или то, что не имеет причины в нашем понимании. Хотя, если подумать, то и у этих «чудес» есть причина, а именно Хаос, но в отличие от Порядка, всё, что порождается Хаосом, возникает стихийно без какого-либо смысла, системы и закономерности, во всяком случае, известных нам. Мы очень мало знаем о Хаосе, но то, что знаем, даёт основание полагать, что Хаос есть сила, которая подвержена энтропии, то есть стремится к вечному ничто, и чем больше сила Порядка, тем сильнее сила Хаоса пытается этот Порядок свести к нулю, я сейчас опираюсь лишь на те эмпирические данные, которыми обладаю сам, но в любом случае, самое главное знание это – Хаос разрушает Порядок, Порядок мира, в котором мы все живём.

Итак, Порядок. Как я уже сказал, это определённая сила, которую необходимо поддерживать и сохранять. Надо признаться, Порядок самостоятельно обеспечивает своё существование, ну или хотя бы он создал все условия для этого.

Порядок есть сила, и она выбрала для себя определённую форму существования, форму, которая позволяет принять в себя эту силу, а главное, осознать её и определить её движение. Эта форма...

– Человек, – прошептал Олег.

– Да, – ответил Малик, – эта форма – человек.

Олег при этом выпрямил плечи и свёл брови в серьёзной истоме.

– Этот человек называется «Пишущий». Пишущий, фактически, и есть Порядок, способ его существования, тот, кто сохраняет и направляет эту силу.

Пишущий – всегда ребёнок, где-то четырёх – пяти лет. Думаю, данный возраст обусловлен тем, что человек, с одной стороны, может уже как-то себя обслуживать, осознавать и обрабатывать получаемую из мира информацию, выдавая более – менее соответствующий ответ на неё, а с другой – сознание человека в этом возрасте ещё не полностью подавило бессознательное, благодаря чему, принимая в себя эту силу, человек не сходит с ума, хотя, в любом случае, все пишущие немного аутичны.

– Что значит «все», и почему «пишущий», что он пишет? – перебил Олег.

– Это значит, что я просил себя не перебивать! – отчеканил Малик, дырявя того взглядом. – Название сложилось «исторически», он не пишет ни в прямом, ни в переносном смысле. Он является хранителем уже сформировавшегося порядка, распределяет образующиеся связи в соответствии с общей системой равновесия, основные принципы которой изначально заложены самим Порядком; и он не «написал», чтобы вы в обусловленное время задали мне этот вопрос, но именно Порядок определил, что каждое определённое время на земле появлялся один вам подобный!

После ответа Малика брови Олега уже почти встретились друг с другом.

Малик продолжал:

– Таким образом, устройство нашего мира обусловлено наличием в нём Порядка, силы, которая принимает форму человека.

– А причём здесь Мы? – раздался голос Наташи, она сидела прямо, скрестив руки на груди и исподлобья глядя на Малика.

Малик вздохнул:

– Ну, насколько вы оба понимаете, ребёнок четырёх-пяти лет не очень продуктивно может позаботиться о себе, в том числе оказать сопротивление при нападении.

– То есть мы вроде как телохранители? – спросил Олег.

– Мне ещё раз попросить не перебивать себя или пригласить переводчика с английского, потому что либо вы мою просьбу изначально не поняли, либо у вас очень короткая память!

Олег поднял перед собой руки в знак капитуляции.

– Порядок, на самом деле, обеспечил своё существование путём создания определённой системы, и частью этой системы является Круг, который начинается, продолжается и заканчивается каждые четыреста шестьдесят восемь лет. Круг, так или иначе, выбирает Пишущего, охраняет его, обеспечивает его существование, если выразаться фигурально, это аллегорическая семья Пишущего.

– Почему именно четыреста шестьдесят восемь? – снова не выдержал Олег.

– Это сейчас не самый важный вопрос, – ответил Малик. – В Круг входят пятеро, которые в прямом смысле образуют Круг вокруг Пишущего. Здесь присутствуют двое из пяти: Вождь, – Малик раскрытой ладонью указал на Наташу, – и Белый воин, – кивнул он в сторону Олега. – Осталось найти ещё троих – Жреца, Красного воина и Слугу.

Сейчас происходит смена Круга, предыдущий завершился, новый начал раскрываться. Я – единственный, кто остался из прежнего Круга, потому что Жрец, прежде чем уйти, как и все остальные, должен найти нового Вождя и помочь новому Кругу замкнуться, то есть собраться воедино. Именно Жрецы накапливают и передают знание о Круге и Пишущем.

Вы должны запомнить, что все члены Круга имеют своё значение, все они очень важны для Круга и, соответственно, для Пишущего.

Вождь – основа Круга, именно Вождь выбирает Пишущего, он всегда рядом с Пишущим и решает, что лучше для него, поэтому Вождь и только Вождь руководит Кругом и всеми, кто в него входит. Без Вождя нет Круга, без Вождя нет Пишущего, а если Пишущий уже выбран, то скорей всего он погибнет, если рядом с ним не будет Вождя.

– Вы же только что сказали, что Пишущий – это форма существования Порядка, – прервала Малика Наташа. – Как тогда Пишущего выбирает Вождь? Согласно вашим словам, Порядок сам выбирает себе форму или что, Вождь ещё выбирает и Порядок? И что вообще значит «выбирать», по считалке что ли?

– Как я уже говорил, Порядок создал определённую систему для своего поддержания, в которой всё очень «упорядоченно», – на этих словах Малик соединил перед собой подушечки пальцев обеих рук, образовав треугольник, и стал похож на Далай-Ламу с картинки. – Пишущий – это форма существования Порядка, которую тот занимает в течение некоего количества времени, а по окончании он должен занять иную форму, тогда же происходит и смена Круга. В мире периодически рождаются дети, гипотетически способные стать Пишущим, но выбрать конкретного ребёнка должен и может только Вождь. Это как, например, тело женщины периодически производит яйцеклетки, но оплодотворены бывают только одна или несколько за весь период жизни, а все остальные, получается, были не нужны, но они были.

– Почему вдруг Вождю доверяется такое решение? Получается, он определяет, под чью дудку будет плясать мир следующие пятьсот лет?! – возмутился Олег.

Малик приблизился к лицу Олега настолько, насколько это было возможно, у того по спине пробежали мурашки, чёрно-карие старческие глаза с выделяющимися красными капиллярами смотрели на него в упор.

– Вы никогда не вглядывались в глаза Пишущего? В эту космическую бездну, куда никто не способен смотреть долго из-за страха, что тебя безвозвратно затянет. Вы не были с ним,

когда ему страшно, когда он встревожен или видит беспокойный сон, ведь если бы вы тогда были рядом, то навсегда бы запомнили ощущение, будто вас трясёт вместе с этим миром. Вождь выбирает Пишущего, потому что человек, который будет всё это время с ним, должен сам выбрать того ребёнка, которого сможет принять в своё сердце настолько, чтобы впоследствии не сорваться и не сбежать.

Олег не выдержал и отпрянул, а Малик со спокойным видом продолжил:

– Вождь держит Круг, поэтому никто из вошедших в него не может просто так его покинуть, а указания Вождя обязательны для остальных.

– И что будет, если их не исполнить? – усмехнулся Олег.

– Ничего не будет, – ответил Малик, – ты не сможешь этого сделать.

– То есть?

– Только то, что я сказал, ты просто не сможешь поступить иначе, единственное, что не может Вождь – это приказать тебе причинить вред Пишущему.

– А если Вождь прикажет другим причинить вред мне или вообще убить себя?

– Какая у вас богатая фантазия, – улыбнулся Малик.

– Вы говорите о таких вещах и при этом смеётесь?! Каким образом я – то попал в этот Круг?

– Вы вошли, когда встретили Вождя.

– Сегодня?

– Нет, когда пришли работать в вашу компанию, или Наталия пришла, не знаю, кто был первым и когда вы познакомились, но в любом случае – не раньше, чем завершился прежний Круг.

– Значит, такая судьба! Бац, встретил своего начальника, дверь захлопнулась, и ты обречён на вечное подчинение?! Бред, вам не кажется!

– На самом деле более чем логично, Белый воин всегда встречает Вождя раньше остальных и остаётся рядом. Происходит это потому, что основная и единственная задача Белого воина – защита Вождя. Когда Вождю грозит любая опасность, не важно, явная или скрытая, Белый воин чувствует это и приходит в действие². Ты спрашивал о своей руке, так вот, это и есть твоя сила, твоё оружие и способ защиты. Сегодня внизу в здании, ты не смог дождаться лифта и бросился вверх по лестнице, потому что почуял, что Вождь в опасности. За несколько секунд преодолел этажей десять, как думаешь с помощью чего? – и Малик помахал Олегу правой рукой. – Когда ты в действии – ты неуязвим, в отличие кстати от Красного воина, поэтому и не нашёл у себя на голове следа от моего удара.

Олег не сразу ответил.

– То есть она, – Олег показал руку, – «взрывается», когда Наташе грозит опасность, и я об этом могу не знать?

– Это Наташа может не знать, ты об этом будешь знать всегда, – сказал Малик.

– Неуязвим это...

– Бессмертен, – перебил Малик. – Вы оба, как и остальные, перестали стареть с момента начала вашего Круга и до его завершения, либо пока вас не убьёт кто-либо или что-либо, но и тут с вами будет Жрец, который если успеет, сможет помочь.

– А как же моё бессмертие?

– Определённо нужно было захватить переводчика, – проворчал Малик, – молодой человек, вы вообще слышите, о чем я говорю?! Ты бессмертен только пока Вождю грозит опасность, в остальное время – обычный, насколько это возможно, человек. Белый воин – не мальчик на посылках, а идущий слева от Вождя, он всегда чувствует, когда Вождю что-то угрожает, и знает, где в этот момент находится Вождь. Белый воин обладает огромной силой, данной

² В действии – in action (англ.).

ему, чтобы найти и защитить Вождя, а значит, и Пишущего. Ты неуязвим, когда находишься в действии, поэтому нет ничего страшнее этой несокрушимой силы.

В салоне автомобиля повисло молчание, прерванное Наташей.

– Круг, порядок, сила, хаос, мой сотрудник в моих телохранителях... всё звучит, как нечто абсолютно фантастическое и нереальное! А дальше-то что?!

– Дальше мы должны двигаться дальше, – ответил Малик. – Найти остальных, входящих в Круг, найти Пишущего, и жить все четыреста шестьдесят восемь лет. Как только в Круг войдёт ваш Жрец, я уйду, а вы останетесь до завершения Круга. Это и есть краткий план по сохранению мира, если вам так будет доходчивее.

– Безусловно, за последнее время случилось много всего, что, в принципе, алогично, – сказала Наташа, – но это совсем не означает, что вы правы и мы должны безоговорочно поверить. Я никуда дальше двигаться не буду, а вызову такси и поеду обратно на работу выяснять, что с моим кабинетом. Олег вправе сам решать, что ему делать, но, – Наташа посмотрела на Олега, – завтра с утра я жду его также на работе. Даже если всё, что вы говорите, имеет место быть, то я, сохраняя за собой право выбора, выбираю мою прежнюю нормальную жизнь. Жаль, что не могу ничем помочь, и спасибо, что помогли в том кабинете. Я здесь нахожусь лишь потому, что была в состоянии шока от случившегося.

Малик наклонил голову на бок и посмотрел ей в глаза.

– Знаете, чем легче было пять веков назад прежнему Жрецу, он, кстати, до Круга жил монахом – Бенедиктинцем, – мировоззрение людей строилось на всеобщей предопределённости, сын пекаря становился пекарем, сын крестьянина – крестьянином, сын раба – рабом. Теология правила миром, религия указывала, ей подчинялись, поэтому, когда монах сказал нашему Вождю, что тому выпало быть главой нового Круга, тот недолго колебался. Хорошее, однако, для Жрецов было время.

Наташа ничего не ответила Малику, а обратившись к Олегу, спросила по-русски:

– У тебя с собой телефон?

– Вы помните ту девушку, которая сегодня попыталась войти к вам прежде, чем стёкла лопнули? – продолжал Малик.

Наташа пристально посмотрела на него.

– Это был Хаос. Знаете ли, он тоже имеет своего среди людей, вернее, также порождает себе форму, только делает это абсолютно беспорядочно, и не угадаешь, когда снова ждать это чудное создание, через год или сто лет. Хаос может существовать как в форме человека, так и помимо неё, в общем, как ему вздумается. В отличие от Порядка Хаос всегда один, если детей, способных стать Пишущими, много, то Хаос как человек всегда один. Исходя из наших наблюдений, этот человек уже рождается таким, но вот его, так сказать, «активация» происходит намного позднее, опять же время угадать нельзя, приходится видеть за каждым, кто встречается на пути, потенциального врага.

Так вот, та замечательная сероглазая девочка с ростом не больше пяти с половиной футов и есть одна из новых форм Хаоса, она пришла к вам, а вернее, за вами. Окна в кабинете разбились, не когда я в него вошёл, а ровно после того, как она оказалась там. Стёкла, которыми облицован небоскрёб, лопнули, как перегоревшая лампочка, вопреки всем законам физики осколки полетели не наружу, а внутрь, где находились ВЫ, – Малик сделал многозначительную паузу. – Можете послать подальше Порядок и всю прочую требуху, связанную с Кругом, ведь плюс один – вы уже никогда не узнаете, что будет потом, потому что не думаю, что вернувшись в офис, вы доживёте хотя бы до вечера. Конечно, если рядом будет Белый воин, то может быть, и продержитесь какое – то время, но с учётом вашего упорства, вы пошлёте подальше и его.

Когда вас убьёт Хаос, тут же родится новый Вождь. Да, к сожалению, только после вашей смерти. Потребуется какое-то время, чтобы он достиг сознательного возраста, лет так хотя бы двадцати. Все эти годы Порядка не будет в мире, потому что останется только содержание,

но не форма, то есть всё было бы хорошо, ведь содержание – то осталось, и упорядоченный мир продолжил бы жить по своим законам, также как всегда жил при смене Круга, но Хаос будет разворачиваться и разворачиваться, ведь препятствий не будет. Сила Порядка вне формы аморфна, бездеятельна. Выдержим ли мы, если да, то это будут одни из самых весёлых двадцати лет в истории этого мира.

Кстати, ваш Красный воин уже наверняка активизировался с началом нового Круга, а поскольку он понятия не имеет, что с ним происходит, то боюсь, натворит за это время кучу глупостей, но на фоне общего состояния мира вскоре это перестанут замечать.

– Вы меня запугиваете? – спросила Наташа.

– Нет, – ответил Малик, и добавил, – а вы меня раздражаете.

– Простите...

– Вам также вызвать переводчика? – произнёс он спокойным тоном, не сводя с неё глаз.

Их бой прервал Олег:

– А со мной что? Буду просто ждать взросления нового Вождя или придётся охранять его с колыбели?

Малик повернулся к нему:

– С вами, молодой человек, ничего не будет, так как с прискорбием вынужден сообщить, что Белый воин погибает тогда же, когда погибает Вождь. Фраза «и умерли они в один день» явно пошла отсюда.

– Что?!

– Жизнь Белого воина зависит от жизни Вождя, вам не кажется, что лучшей мотивации для защиты Вождя не найти. Порядок всё максимально упорядочил, и вас, и меня, и всех остальных.

– Я вам не верю, – прошептал Олег, он побледнел. – Не верю! Это моя жизнь, а я не ваша марионетка.

– Я не кукловод, а – Жрец, прежний Жрец, такой же, как вы, не лучше, не хуже, и я не виноват, что моё предназначение – нести и передавать знание. Сейчас я лишь выполняю свою задачу, посыльного не убивают.

Олег отвернулся и откинулся на спинку водительского сиденья, через некоторое время он произнёс:

– Если это правда, то как же мои родные, все, кого я люблю, им – то за что?

– Кто сказал, что ты обязательно умрёшь. Сила дана тебе для защиты, и ты очень быстро научишься ею пользоваться. Насчёт родных, вам обоим нужно смириться, что так или иначе, их придётся покинуть. После того, как Круг замкнётся, определится Пишущий, и всё более-менее утрясётся, вы, наверное, сможете общаться с вашими семьями, насколько это будет возможно. Конечно, надо признать тот факт, что вы их переживете.

– Всё равно, это несправедливо! – презрительно бросил Олег. – Очень хочется, чтобы это был лишь старческий бред!

– Смотри, – позвал его Малик.

Олег обернулся и увидел у того в руках опасную бритву. Бритва была как новая, с перламутровой рукояткой и блестящим лезвием. Малик повернулся к Наташе и со словами: «Вы позволите», – поднёс к ней бритву.

– Что чувствуешь? – спросил Малик Олега.

– Ничего.

– Именно, – улыбнулся Малик, – потому что у меня и в мыслях нет ничего худого, это просто лезвие в пространстве.

Малик поднёс бритву ближе к Наташе, она инстинктивно отстранилась.

– А теперь?

Олег его уже не слышал, он смотрел на руку, которая опять начала меняться. Олег поднял глаза на Малика.

– Что, сердце завелось, – спросил тот, – я и сейчас ни о чём плохом не думаю, но вот лезвие само по себе опасно, вдруг толчок и мою руку занесёт, понимаешь? Уже есть вполне вероятная угроза.

Внезапно Малик свободной рукой обхватил Наташу и поднёс бритву к её горлу.

– А теперь?! – закричал он.

Последствий никто не ожидал: Олег валькирией налетел на Малика и, схватив лезвие, швырнул его в боковое окно, которое вдребезги разлетелось.

– Да, пошли вы оба! – закричала Наташа, сбросила с себя сжимавшую её руку, и выскочила из автомобиля.

Олег слез с Малика и плюхнулся на сиденье.

– Твою мать... – процедил он, смотря на разбитое окно.

Малик тем временем собирал мелкие осколки, попавшие в салон, закончив, он обернулся к Олегу, который отрешённо смотрел в одну точку.

– Всё нормально?

Тот ответил не сразу:

– Я умру?

– Если будешь осторожен, то не раньше положенного тебе судьбой и здоровьем времени.

– Никакого выбора, никакого...

Малик молчал, правой рукой потирая подбородок.

– Вам самому-то не страшно? – спросил его Олег. – Посмотрите на нас, два офисных планктона, кого мы сможем защитить? Не боитесь оставлять вашего Пишущего на нас?

– Он уже не мой, а ваш, – ответил Малик, доставая из кармана гаджет.

Малик уткнулся в телефон, Олег тем временем продолжал:

– Господи, да кто вы вообще такой! Кто вам разрешил приходить к людям и отбирать их жизни! По-вашему, я обречен?! – Малик делал вид, что не обращает на него внимание. – Надеетесь, что вот так сдамся, сломаюсь от безнадёжности положения?! Мне охота вас убить! – он тяжело дышал, галстук нестерпимо давил на взмокший воротник рубашки. Не в силах больше находиться в железной душной ловушке, он вышел из машины.

Наташа стояла в метрах пяти, спиной к автомобилю, опёршись на фонарный столб. Олег подошёл к ней, ему было так горько и обидно, а она была единственным человеком, который хоть как-то мог его понять.

– Ты как? – спросил он.

Она посмотрела на него и отвернулась, он успел заметить её воспаленные красные глаза. Олег стоял рядом с ней, не зная, что сказать, наконец, произнёс:

– Ну... мы как-нибудь справимся с этим, – получилось не очень уверенно.

– С чем, – холодно ответила она, – с той хернёй, что мою жизнь перевернули с ног на голову, что я до сих пор жива не за, а вопреки, с тем, что моя безопасность зависит от кол-леги, который меня терпеть не может.

Олег опешил, он не ожидал ничего подобного от Наташи, которая в своей речи никогда не использовала что-либо тяжелее слова «блин», он искренне полагал, что она вообще не способна на грубость, во всяком случае, прилюдно. Кроме того, Олег никак не был готов к подобному роду откровенности. Да, они недолюбливали друг друга, каждый по своим причинам, и оба это знали, но их вечный конфликт был всегда немым и пассивным, как и положено в современном обществе галстуков, визиток и шариковых ручек Parker.

Он абсолютно не был готов общаться на том новом уровне, который вдруг она ему предложила, и воспринимать Наташу иначе, чем всегда, а именно, как подобного себе живого человека.

Не поверив такому резкому изменению, он попытался снова:

– Мне тоже очень тяжело, и я понимаю, что несу огромную ответственность...

– Олег! – перебила она его. – Хватит! Хватит благородного лицемерия, мне и так тошно!

Он не выдержал:

– А что ты хочешь услышать, что я, очуметь, как рад, ближайшие пять столетий провести с человеком, из-за которого всё время хотел менять работу?!

– Я ничего не хочу, также как, наверно, и ты, только ещё этого не понял! – и она отвернулась от него.

Олег сжал кулаки, резко развернулся и пошагал обратно к машине. Сев на своё место, он громко хлопнул дверью. В тишине было слышно, как громко и прерывисто он дышит.

Олег смотрел в окно на знакомый и родной двор, на дом, в котором вырос, его мир, как ковровая дорожка, уходил из-под ног, а он всё падал и никак не мог подняться.

В машине стало свежо из-за разбитого окна. Малик открыл дверь и высунулся наружу.

– Мне жаль, что я вас так напугал, – крикнул он Наташе, – но у нас, действительно, не очень много времени, и я использую для убеждения те способы, которые есть. Пожалуйста, вернитесь!

Наташа, немного помедлив, села обратно.

– Я знаю, что у вас много вопросов, со временем их будет ещё больше, насколько смогу, постараюсь на них ответить. Для выживания вам нужен ваш Круг, а в нём, как видите, не хватает ещё трёх, поэтому мы должны двигаться дальше, вызвать такси и ехать в аэропорт. По пути заглянем ко мне в гостиницу и к вам, – он указал на Наташу, – с собой вам обоим нужно взять самое необходимое и документы. Самое необходимое не должно превышать небольшой спортивной сумки, и первым же рейсом вылетаем в Санкт-Петербург, там находится человек, который предоставит нам средства для дальнейшего поиска.

За время до отлёта вы должны успеть сделать звонки близким, друзьям, если хотите, коллегам. Без разницы, что вы им сообщите, главная задача – успокоить, чтобы они не подняли панику и не начали вас искать, потому что это может существенно затруднить наш путь. Про работу забудьте, она вам уже не понадобится.

– Моя сумка осталась на работе, – сказала Наташа.

– Там что-то важное? – спросил Малик.

– Да, паспорт, банковские карты, телефон.

– Карты и телефон, в принципе, уже не важны, – сказал Малик, – а вот паспорт... Хорошо, мы завернём к вам в офис, Олег ходит за сумкой, если она ещё там. Олег, вызови, пожалуйста, такси, а то с разбитым стеклом ездить прохладно и небезопасно.

– Покажите Ваш паспорт, – сказала Наташа Малику.

К её удивлению, он без каких-либо вопросов, достал из пальто тёмно-синюю книжку и подал ей.

«PASSPORT *United States of America*» прочла она на обложке. На развороте, на фоне зелёно-красных пчелиных сот красовалось фото Малика с тремя вертикальными звёздами слева. Его, действительно, звали Malick Flamen.

– Здесь написано, что вы родились в сорок девятом году, не хочу обидеть, – сказала Наташа, с усмешкой, – но двадцатого века.

– Да, я думаю, когда наш Слуга оформлял, назовём это так, мне паспорт, он нарочно изменил данные о моём возрасте, поскольку в ином случае я бы уже выставлялся в археологическом музее, либо, что более вероятно, сидел за подделку документов.

Наташа отдала паспорт.

– Олег, ты вызвал такси? – спросил Малик.

– Да.

– Тогда иди за вещами, мы тебя подождём.

Глава 5.

Меч в кровати. Лошадь на кухне

Мы никогда не знаем, чего ожидать и с этим уже смирились, хотя это жутко – быть неуверенным в следующем мгновении жизни. Единственные, кто радуются этому вполне уважительному поводу для безумия – страховые организации.

Эргине не работала в страховой, где угодно, но только не там. Она участвовала в подготовке выставок, оформляя в рамки фотографии последних чудес техники и индийских детей на фоне миллиарда бабочек, подрабатывала переводчиком на каком-то саммите, писала дипломы, пожалуй, по всем темам, кроме медицины, автомеханики и ядерной физики, однажды две недели подряд провела экспонатом на выставке современного искусства. С её слов, она занималась всем этим, потому что в двадцать шесть лет до сих пор была студентом, которому «тупо нужны деньги».

Как и все люди, Эргине смирилась с тем, что человек не знает, что будет дальше, поэтому, когда поздним вечером возвращалась из Академии домой, она, в принципе, не думала о чём-то существенном и уж, тем более что именно в этот день, час и минуту ей нужно чего-то особого ждать или опасаться. Эргине тащила за спиной тубу с черновиками и мысленно надеялась, что приятель её соседки по квартире уже угнал домой и ей не придётся слышать его нытьё о суровой офисной жизни.

Когда она проходила проулок, то заметила, как сюрреалистично он смотрится в свете фонаря в глубине. Электрический жёлтый свет ложился на тротуар, искусно огибая припаркованные машины, делая их большими чёрными пятнами. С виду казалось, что это проулок из девятнадцатого века, с мостовой, железными телегами и лошадьё. Эргине направилась дальше мимо, но тут резко развернулась и вновь посмотрела в сторону фонаря: лошади уже не было.

«Я видела лошадь?! В свете фонаря была видна голова лошади!» – подумала Эргине. Она рассмотрела ещё раз видимое пространство, затем прокрутила в голове лошадиное воспоминание, сказала: «Хрень какая-то», – и пошла дальше, её дом был уже виден.

Вдруг Эргине остановилась. Обернулась – никого, она двинулась дальше, но тут же остановилась вновь. Позади определённо слышался звук, который стихал, как только она прекращала движение, будто это она являлась его источником. Звук был до боли знакомым, но Эргине всё равно не могла до конца его уловить.

В это время суток на улице, где она жила, машин почти не было, людей, впрочем, тоже. Эргине обернулась вокруг себя, немного постояла и снова возобновила шаг. Через некоторое время звук появился опять, и тут Эргине вспомнила его! Это были удары лошадиных подков об асфальт. Она рывком развернулась в надежде застать врасплох лошадь – преследователя, но сзади никого по-прежнему не было.

Эргине почувствовала, как на затылке забегали мелкие мурашки – первый признак, что она испугалась. Она стала пятиться назад, ей казалось, это не так страшно, как слышать за собой лошадиный цокот. Эргине просто не знала, насколько страшно слышать стук копыт, а лошади при этом не видеть. Действительно, звук возобновился, а лошадь так и не появилась. Поняв, что дело худо, Эргине взвизгнула и, развернувшись, бросилась бежать к дому.

Залетев в подъезд, она захлопнула дверь, ворвалась в лифт и жала кнопку этажа до тех пор, пока двери не закрылись. Придя домой, она была искренне рада приятелю своей соседки, который, как ей казалось, очень удачно у них задержался.

После его ухода, Эртине кратко рассказала подруге, что случилось. Обсудив детали, они сошлись на том, что скорей всего, это был какой-то уличный шум, который напоминал лошадиный цокот.

– В любом случае, это странно, – сказала Катя, её соседка.

Утро бывает добрым только в выходной, по будням оно менее приветливо. Эртине после некоторых колебаний вылезла из кровати и побрела в ванную. Катя ушла к первой паре, Эртине не смогла повторить сей подвиг, поэтому собиралась в Академию в одиночестве.

Она чистила зубы, когда почувствовала неприятное жжение внизу левой ноги. Повернув голову в поисках причины дискомфорта, увидела, что на внешней стороне голени располагалась длинная царапина, даже скорее, порез, он был свежим, кровь только начала запекаться. «Где это я так? – подумала она. – Может быть, о диван. Наверное, о выскочившую пружину».

Обработав рану, Эртине направилась заправлять постель. Они с Катей снимали на двоих однокомнатную квартиру, но спали каждая на своём диване, так они хоть как-то реализовывали потребность в личном пространстве. В ежеутренние процедуры входила зарядка по сборке дивана, иначе передвижение по комнате напоминало переходы между грядками бабушкиного огорода.

Эртине стянула одеяло и... обнажила меч. Самый что ни на есть меч, железный с мощной рукояткой. Эртине так и стояла с одеялом в руках, тупо глядя на оружие, лежащее на кровати, затем дотянулась до него и взяла в руки. Она без труда его узнала, это был Гладиус³, и, похоже, что Майнц Гладиус⁴, его выдавала небольшая длина клинка и увесистый круглый набалдашник на костяной рукоятке, используемый для уравнивания.

«Прямо как в учебнике, – думала она, рассматривая оружие. – Похоже на ручную работу, но не банальный самодел, уж очень аккуратно и стройно сделано».

– Ну и откуда ты взялся? – спросила она вслух.

«Наверное, это Андрея, хотя откуда у него меч? Ну, не Катин же... может, Катя притащила его из Академии для работы, но зачем тогда подложила мне, и кто ей вообще дал меч с собой. Я ложила – его не было, значит, подсунула она, наверное, хотела напугать, будто мне вчерашнего недостаточно».

Эртине взяла сотовый и набрала подругу, через пару гудков вместо «Алло» услышала сдавленный шёпот:

– Я на лекции! Что?

Эртине тоже шёпотом быстро заговорила:

– Ты мне меч в кровать клала?

Только произнесла эту фразу вслух, она поняла, что мало что в мире может соперничать с ней по уровню идиотизма.

– Что?! – из трубки последовала закономерная реакция.

Эртине немного поколебалась, после чего спросила опять:

– Ну, римский меч... у нас в квартире.

Повисло молчание, наконец, Катя отозвалась:

– Я ничего не поняла, давай потом поговорим, – на этом разговор прервался.

Эртине ещё с минуту сидела над необычной находкой, после чего положила меч в верхний ящик комода, чтобы избежать ненужных вопросов в случае неожиданных гостей, и продолжила собираться на учёбу.

На вторую пару Эртине почти не опоздала. Она влетела в аудиторию через пару минут после звонка, опытным взглядом выловив Катин силуэт, быстро заняла нужную диспозицию

³ Гладиус – римский короткий меч (до 60 сантиметров).

⁴ Майнц Гладиус – вариация гладиуса «Майнц» характеризовалась небольшой талией клинка и длинным остриём. Длина меча 65—70 см. Ширина клинка около 7 см. (с деревянной рукояткой).

рядом с соседкой и уже через двадцать секунд выглядела так, будто сидела здесь задолго до занятий.

– С приездом, – прошипела Катя, выводя слова лектора в тетради.

Эрине, склонившись над партой и делая вид, что занимается тем же, прошипела в ответ:

– Я сегодня меч в кровати нашла.

Катя оторвалась от тетради:

– Чего?!

– Меч, железный, настоящий, достаточно острый. Римский Гладиус.

Катя выпучила глаза:

– Откуда ему там взяться?!

– Я думала, это ты подложила подшутить.

– Я?! Меч?! Где мне взять меч! Вообще это верх тупости подкладывать кому-то в кровать меч, хуже было бы только гаубицу в пододеяльник засунуть! – возмутилась Катя.

– Ты же сама говорила, что собираешься в выходные поехать смотреть реконструкцию Ледового побоища, – не сдавалась Эрине.

– Ты полагаешь, для этого нужно иметь холодное оружие как клубную карту?! – Катя уже не шептала и даже покраснела от возмущения.

– Ну и откуда тогда он у меня в кровати?! – Эрине тоже не церемонилась.

Катя открыла рот для контраргумента, но их прервал лектор:

– Девушки, вы можете поговорить за пределами аудитории!

Обе тут же замолчали, уткнувшись каждая в свою тетрадь.

По окончании лекции диалог продолжился, его краткое содержание можно выразить в паре слов: «Откуда?!» и «А я почём знаю?!». Они так и не смогли прийти к консенсусу, после чего было принято решение привлечь Андрея, Катиного друга, для выяснения всех обстоятельств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.